

Н. Г. Зайцева
Петрозаводск

**ВЕПССКОЕ И ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЕ
В НЕКОТОРЫХ ИМЕНОВАНИЯХ ЯГОД
(на материале ALFE)**

Исследования, использующие принципы лингвистической географии, изучающей территорию распространения различных языковых явлений, всегда актуальны. Лингвистические атласы в языкознании иногда признаются венцом исследований, и, действительно, они требуют длительной и серьезной предварительной подготовки по подбору вопросов и понятий, которые могут представить наибольший интерес для сравнительно-исторического и синхронного состояния языков, а также и иных задач, кропотливого полевого и архивного сбора диалектных материалов из пунктов обследования, серьезной разработки принципов подачи материала на различного типа картах и т. д. Время от времени выходят в свет различные атласы, которые исключительно востребованы лингвистической наукой (см. один из последних опубликованных атласов по прибалтийско-финским языкам – Бубрих, Беляков, Пунжина, 1997).

При ближайшем рассмотрении материалов прибалтийско-финских языков, собранных по вопроснику Лингвистического Атласа Европы, в сборе и кодификации которого участвовали и исследователи-прибалтоведы¹, стало ясно, что многие, исключительно ценные для прибалтийско-финской диахронии и синхронии, языковые материалы оказались вне поля зрения, не востребованными. Все чаще стало высказываться предложение о создании Атласа прибалтийско-финских

¹ В работе над названным атласом, в том числе, участвовала автор этих строк, а также другие исследователи прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей, которые кропотливо и тщательно собирали материал по вопроснику атласа в лингвистических близких и дальних экспедициях, участвовали в рабочих совещаниях в Петрозаводске, Москве, Хельсинки по рассмотрению и кодификации материалов, но, к сожалению, их участие в Атласе осталось неотмеченным.

языков (Atlas Linguarum Fennicarum = ALFE), которое окончательно было сформулировано на симпозиуме по прибалтийско-финской филологии в 1979 году в г. Петрозаводске (ALFE: 53).

Главная задача, поставленная составителями ALFE, заключалась в том, чтобы картографировать лексические явления, которые в сжатом виде осветили бы древние прибалтийско-финские отношения, а также показали бы, как инновации повлияли на знаковое выражение понятия. Для решения поставленных задач были разработаны различные типы карт – ономаσιологические, карты форматов, мотивационные и частотные карты, а также карты-реконструкции.

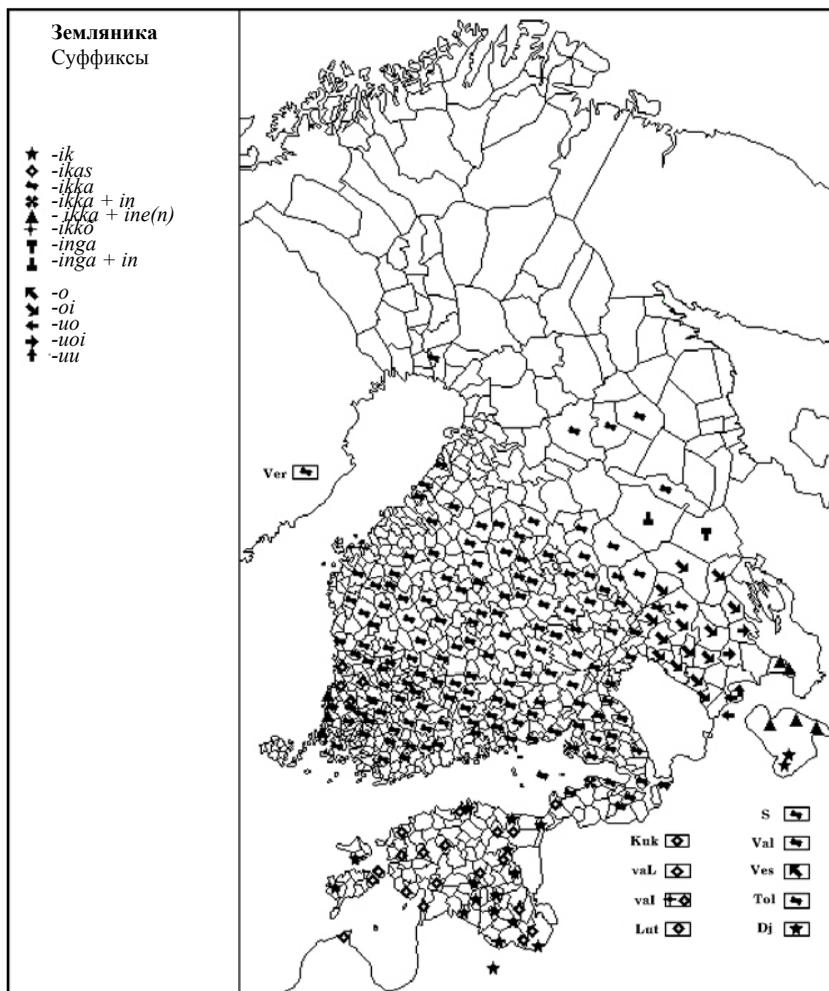
В данной статье представлен один тематический круг лексики – именованья ягод в прибалтийско-финских языках (его материалы будут размещены на страницах II тома атласа). Для статьи выбраны отдельные именованья, которые дают возможность некоторым образом проанализировать соотношение вепского и прибалтийско-финского элементов, представленное в атласе. Во внимание принимались не только исконные лексемы, но и заимствованная лексика, которая свойственна контактными зонам (вепский язык является самым восточным из всех прибалтийско-финских языков, и тем самым более всего подверженным иноязычному влиянию) и также представляет собой исключительно интересный для исследования материал, поскольку может наглядно проиллюстрировать соотношение “своего” и “чужого” в языке (см. напр. Муллонен 2002: 325-330; Мызников 1: 8).

Отдельные именованья ягод, проиллюстрировав прозрачность мотивации лексем, явились в некотором смысле универсалиями и показали единство общего прибалтийско-финского лексического фонда, куда составной частью вошел и материал вепского языка. Это, прежде всего, именованья таких понятий, как <земляника> *Fragaria* (финское *mansikka*; вепское *manzikaine*) и <черника> *Vaccinium myrtillus* (финское *mustikka*; вепское *mustikaine*). Лексема для обозначения понятия <земляника> возникла в прибалтийско-финских языках аналогично некоторым иным языкам (возможно, ее происхождение связано с основой *mantu* и *manner* “материк”, SSA): ср. например, русское *земляника*, немецкое *Erdbeere*,

польское *poziomka*, где учитывался способ произрастания ягоды: спелые ягоды земляники часто почти стелются по земле (Фасмер). Лингвистические материалы, представленные на картах ALFE, дают возможность обратить внимание на расхождения в фонетическом оформлении лексемы *mansikka* “земляника” в прибалтийско-финских языках: возникновение в диалектных зонах оппозиции краткого и долгого звука в первом слоге: *-a- ~ -ā-* (*-an-> ā -*), а также появление оппозиции щелевого и аффрикаты в начале второго слога слова (*-s~z- >-č-*). В оформлении лексемы, именующей понятие <земляника>, употребительны деминутивные суффиксы или их комбинации: *-ik, -ikka, -ikas, -ikka-in, -ika-ine, -inga, -oi* и т. д., которые характеризуют словообразовательную систему языков и их особенности (см. карту 1).

В именовании понятия <черника> очевиден мотив черного цвета, а различия касаются опять-таки фонетических особенностей и множества деминутивных суффиксов. Отметим в этой связи, что для вепского языка деминутивы чрезвычайно характерны и далеко не всегда обладают значением уменьшительности. В случае обозначения именованной ягоды лексемы с деминутивными суффиксами терминологизировались. Это происходит и в некоторых иных случаях. Например, в выражении *Smirnovan Lidaine om tulnu kodihe* “Лида Смирнова приехала домой” – деминутивный суффикс в имени *Lidaine* не обладает значением деминутивности; здесь скорее уважительность, поскольку Лида может быть не только девочкой, но и достаточно не молодой и совсем не молодой дамой. Исторически у вепсов не было отчеств, и деминутивы в какой-то степени выполняли их функцию. Очевидно, влиял образец русского языка, где употребительны отчества; и деминутивы на первых порах были своеобразной компенсацией отчеств.

Мотивации названий прочих ягод далеко не столь очевидны и прозрачны. Именование ягоды <поленика> *Rubus arcticus* (финское *mesimarja*, вепское *hebočajine*) представлено весьма пестро. Территория произрастания этой ароматной дикорастущей и достаточно редкой в природе ягоды из-за уменьшения количества природных лугов и осушения болот быстро сокращается. В части прибалтийско-финских языков она совсем неизвестна: эстонский, ливский,

Карта №1

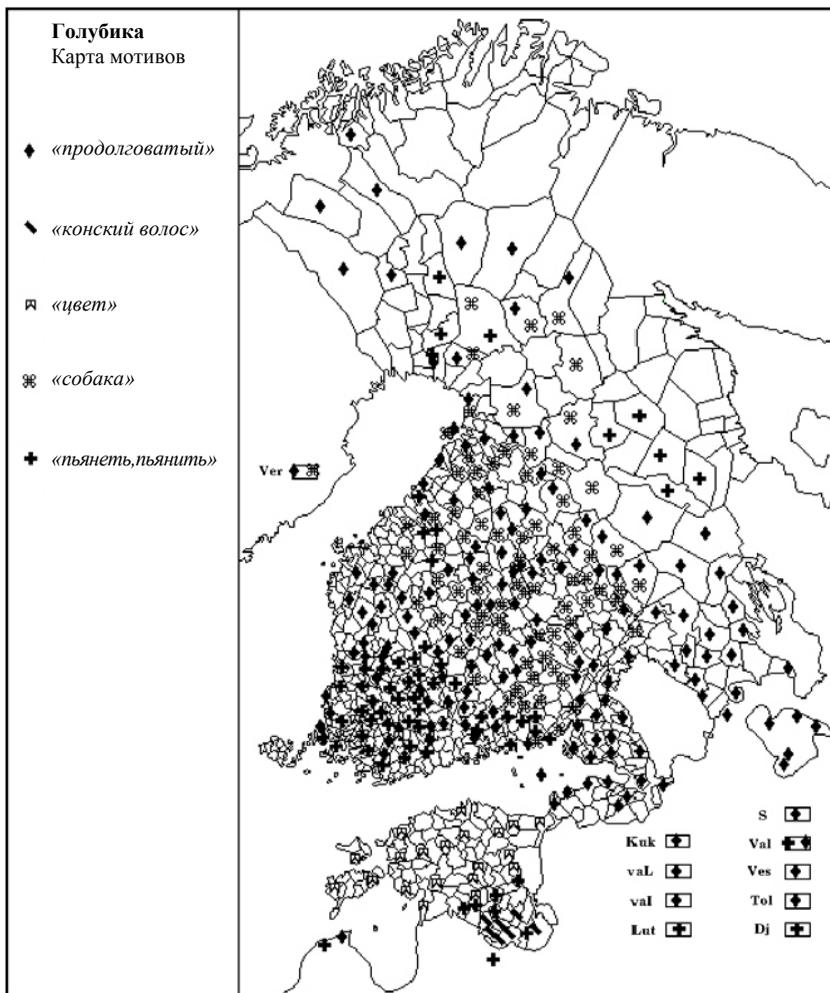
тверские говоры карельского языка, южновепсский диалект. В целом можно отметить, что в языках нет устоявшихся исконных терминов; существуют лишь разные описательные названия, в группу которых входят как простые лексемы, так и сложные слова. Часть именовании ягоды может быть названиями

ми подвидов, так как поленика могла скреститься с названиями других подвидов и со многими другими видами *Rubus*, даже с видами другого подвида. Этим объясняется, что в качестве именовании поленики в прибалтийско-финских языках используются именовании других ягод, напоминающих ее по внешнему виду: *mansikka* “земляника”, *muurain*, *maarain* “морозика”, *vattu*, *vatukka* “малина”. Необыкновенно тонкий вкус ягоды послужил причиной употребления в качестве именовании в диалектах финского языка лексемы *mesi* “нектар” с различными словообразовательными суффиксами (*mesikka*, *meskeli*, *mesikko*, *mesku*, *messukka* и т.д.) или в качестве части сложного слова (*mesi/mansikka*, *mesi/marja*).

Кроме названной мотивации, существует мотив именовании, связанный, очевидно, с чем-то ворсистым: финское *karvahurri*, *karvaressu*. В вепском же и во всех диалектах карельского языка именовании ягоды связаны с лексемой *hepo-*, *hebo-* “лошадь”: *hebočaine*, *hevongaine*, *hepokka*, *hebo/marja* и *or'hoi* “жеребец”. Сложно сказать, какой аспект послужил причиной объединения собственно карельского и вепского *hepo-*, *hebo* “лошадь” и карельско-ливвиковского *or'hoi* “жеребец” и именовании поленики, хотя связь эта очевидна. Тем более интересно, что карельско-ливвиковская лексема *or'hoi* является отчасти своеобразным переводом собственно карельской и вепской лексемы *hepo-*, *hebo*.

В вепской лексеме *hebočaine* можно выделить две части: *hebo-*+ *-čaine*. В элементе *-čaine*, в свою очередь, *-č-* + *-aine*. (ср. например, именование ягод черемухи *tomičaine*: *tom'*> *tomič*> *tomičaine*). Существовал ли у поленики вариант именовании **heboč* параллельно с лексемой *tomič* (последняя существует в вепском языке и сейчас), который смог бы проиллюстрировать направление развития лексемы *hebočaine*, трудно сказать, поскольку он сейчас неизвестен ни в одном из диалектов вепского языка.

Таким образом, вепский и карельский языки внесли в именование понятия <поленика> свой оттенок, который не свойствен прочим прибалтийско-финским языкам.

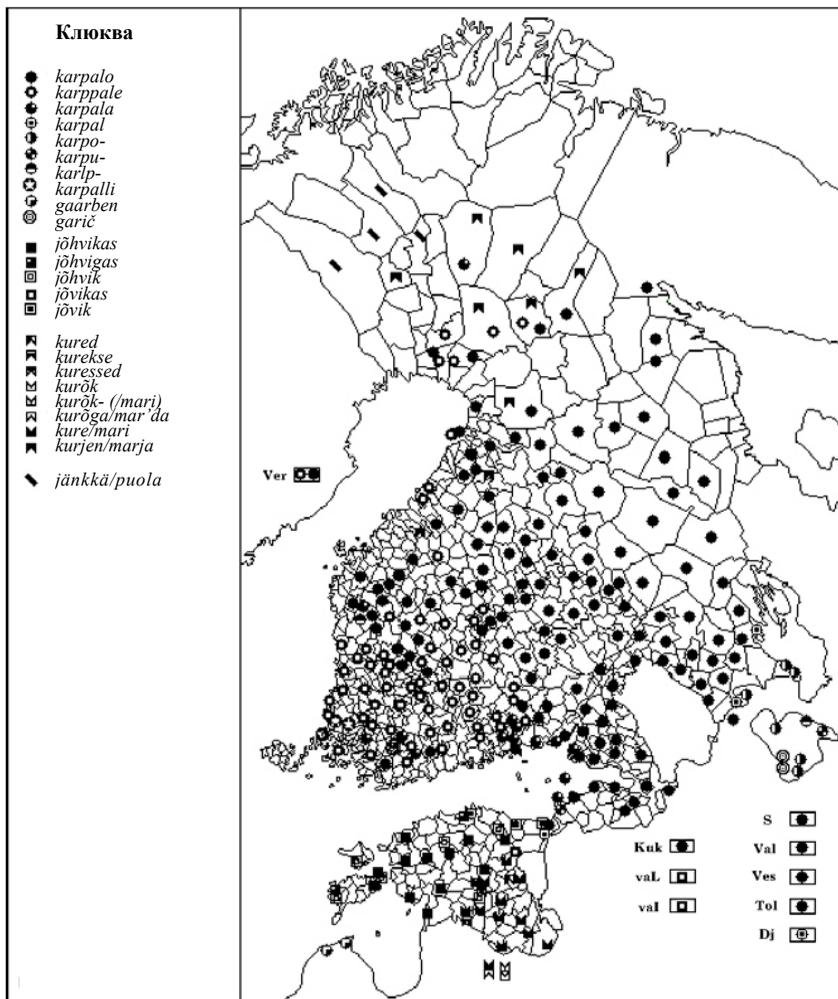

Карта № 2

Именования понятия <голубика> *Vaccinium uliginosum* достаточно широко функционируют в прибалтийско-финском регионе, за исключением севернокарельских говоров (Княжая, Кестеньга, Софпорог). Картина именований достаточно пестра: существует около десятка различных лексем, как простых, так

и производных, а также сложных слов. Наиболее распространена лексема *juolukka* (в финском; вепсское *jonikaine*) со множеством фонетических вариаций, которые зачастую сложно объединить в одно гнездо. На карте 2 видны мотивы именовании голубики, где явных мотивов пять: “продолговатый”, “конский волос”, “цвет”, “собака”, “пьянеть”. Достаточно распространен мотив “продолговатый”, дающий представление о внешнем виде ягоды, куда, очевидно, тяготеет и вепсская лексема *jonikaine* (финское *juolukka* < *juolea* “продолговатый”; Koronen 1991: 145-148; SSA), функционирующая в средневепсском диалекте.

Для нашей статьи наиболее интересны иные, собственно вепсские лексемы, употребляющиеся для обозначения голубики: южновепсское *kukič* и северновепсское *gilingeine*. В лексеме *kukič* можно выделить две составные части: *kuk-* + *-ič* (ср. другие подобные по строению вепсские именованя ягод: *gar-ič* “клюква”, *tom-ič* “ягоды черемухи”). Часть лексемы *kuk-* можно соотнести с саамской лексемой *guk'ke*, *kuk'k* “длинный, продолговатый”, которая, очевидно, была известна на вепсской территории, поскольку встречается в топонимии вепсского региона (Кукозеро, Куккас, Кукаскара). Кроме названных, функционируют топонимы типа *Pit'kjärv* (досл. “долгое озеро”), которые рассматриваются, как переводы с саамского языка, что может свидетельствовать о том, что слово было известно вепсам (Муллонен 2002: 249-250). Можно предположить, что – как следствие контактов – вепсам была известна лексема *kuk-* в значении “продолговатый, длинный”, легшая в основу именованя голубики, но в последствии она была вытеснена исконной лексемой *pit'k*. Но возможна и иная мотивация: именованя ягоды могло возникнуть по модели *koiranmarj* “собачья ягода” и отсюда *kukonmarj* “петушиная ягода”. Тем более что в южновепсском диалекте петух и есть *kuk*. Слово заимствовано и на севернорусскую территорию с тем же значением (Мызников 2: 88-89). Правда, следы сложного слова на территории южных вепсов, которые смогли бы поддержать версию, отсутствуют, а именованя ягоды выступает лишь в форме *kukič*.

Карта № 3

В северновепском регионе голубику называют словом *gilingeine*, мотивация которого затемнена. В СРНГ достаточно много именований различных растений, содержащих корень *гил-*: *гилка* “сук дерева”, *гигель* “съедобная трава”, но прочную связь ни с одним из них установить не удалось. Конечно, в

словаре нет абсолютного охвата материала, например, нам известна диалектная лексема “напурка” в значении поленики, встречающаяся в русских говорах на границе Бабаевского и Белозерского районов, но в словарях она отсутствует. Думается, что и вепсская лексема *gilingeine* может иметь какие-либо иные русские диалектные корни.

Определенный вклад вносит вепсский язык и в именование понятия <клюква> *Oxycoccus* (см. карта 3). На северо-востоке прибалтийско-финского ареала наиболее распространена лексема *karpalo* (финское именование; вепское – *garbol, garič*). Лексема имеет в диалектах множество фонетических вариантов. Один фонетический факт подразделяет языки на две группы: это возникновение звонкого согласного на месте глухого в начале слова (*karpalo ~ garbol*). Из исторической фонетики известно, что глухие взрывные согласные в начале слова в вепском языке (и среди них, естественно, *k*-) сохранились достаточно хорошо: напр. *käzi* “рука”, *kaita* “бережь”, *kujo* “прогон, деревенская улица” и т.д. Представлены они и в русских заимствованиях: например, вепское *kapust* “капуста”; *kiset* “кисет”; *kulak* “кулак” и т.д. В вепской же лексеме для именования клюквы в начале слова во всех вариантах стоит звонкий взрывной *g*-: *garbol, garbü, garič*. Поскольку вепсский язык с течением времени значительно пополнился звонкими согласными, что отчасти считается русским влиянием, то и в данном случае, который явно нерегулярен, лингвисты склонны также усматривать результат русско-вепского взаимодействия, которое отчасти было заимствовано и в ливвиковский, и в людиковский диалекты карельского языка (см. Kettunen 1940: 281; 3; Tunkelo 1946: 42).

Лексема *karpalo* считается прибалтийско-финской по происхождению, мотивация которой не ясна (SSA). Южновепсский материал, собранный для атласа, дает возможность еще раз обратиться к этимологии данной лексемы. Понятие <клюква> здесь обозначается словом *garič*. В нем по аналогии с другими именованиями на *-ič* можно выделить две части: *gar-* + *-ič* (ср лексемы *kuk-ič* “голубика”, *tom-ič* “ягоды черемухи”). В вепском корне

gar- нет второй части слова *kar-palo*. Слово укладывается в русло этимологии, поддерживающей идею о том, что названная лексема – сложное слово: **kaarne/pōla* “воронья ягода” (см. напр. Сюръялайнен 1982: 261-262). Кроме того, в южновепском диалекте (а также отчасти в восточных средневепских говорах) слово *bol* имеет значение “ягода”. Южновепская лексема *garič* не попала в поле зрения авторов новой версии этимологического словаря финского языка (SSA). Конечно, более весомая поддержка данной этимологии отсутствует, тем не менее, вепский материал, представленный в ALFE, вносит что-то новое и может быть принят во внимание лингвистами-этимологами.

Некоторые интересные моменты можно обнаружить, на наш взгляд, и в именовании понятия <брусника> *Vaccinium vitis idaea*. В наборе прибалтийско-финских именовании представлено четыре лексемы со множеством фонетических вариантов и модификаций: *puola*, *paluk*, *hillamarja* и *nabolad*. Наиболее популярна лексема *puola*. В вепском и карельском языках вновь в начале данного слова выступает неправомерный звонкий взрывной (вепское *bol*, карельское *buola*, *buola/marja* и т.д.), который, как и в случае с обсуждаемой лексемой *garbol*, *garič* “клюква” со звонким *g-* в начале слова, можно объяснить тесным вепско-русским взаимодействием, послужившим проводником звонких согласных на место глухих в начало отдельных слов и близко родственного карельского языка.

Определенный интерес представляет южновепская лексема *nabolad* “брусника”. В ней, на первый взгляд, можно выделить русский префикс *na-* и вепскую лексему *bolad* (мн. число от *bol* “брусника”). Русские префиксы иногда употребляются в речи вепсов: в отрицательных местоимениях и наречиях – *nimitte* “никакой”, *nikut* “никак”, *nikuna* “никуда” и т.д.), и даже иногда в глаголах – *dosōda* “доесть”, *perepanda* “переложить”. Но это явление достаточно редкое. Скорее всего, вепская лексема *nabolad* – это модификация русского диалектного заимствования *наболоть* “растущий на болоте” (СРНГ). Вепская лексема *bol* “брусника; ягода” (мн. число – *bolad*) могла

вследствие созвучия и народной этимологии повлиять на переработку слова *наболоть* в вариант *nabolad*. Поскольку в южно-вепском диалекте лексема *bol* обладает значением “ягода”, а брусника – чрезвычайно популярная на севере ягода, то язык стал стремиться ликвидировать двойственность значения, приспособив для этого русское заимствование *наболоть*, которым мотивируется достаточно прозрачно и четко место произрастания ягоды.

Таким образом, вепский язык, сохранив в основном прибалтийско-финский корпус именованной ягод, внес некоторые инновации в фонетическое оформление уже известных лексем, а также пополнил лексику прибалтийско-финских языков, что объясняется как следствием его самостоятельного развития, так и результатом контактов с русским языком.

Литература и сокращения:

- Бубрих, Беляков, Пунжина 1997 – *Бубрих Д.В., Беляков А.А., Пунжина А.В.* Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки, 1997.
- Муллонен И.И.* Топонимия Присвирья. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- Мызников 1 – *Мызников С.А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. С.-Петер-бург, 2003.
- Мызников 2 – *Мызников С.А.* Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. С.-Петербург, 2003.
- Свое и чужое в культуре народов европейского Севера. Петрозаводск, 1999.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров, выпуск 1-26. М., 1965-1991.
- Сюръялайнен Ю.Э.* О финских народных названиях растений // Советское финно-угроведение, № 4. Таллинн, 1982.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, 1-4. М., 1986-1987.
- ALFE – Atlas Linguarum Fennicarum. Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков. Хельсинки, 2004.
- Kettunen L.* Suomen murteet III. Selityksiä murrekartastoon // SKST, 188. Helsinki, 1940.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja, I-III. SKS, Helsinki, 1992-2000.
- Tunkelo E.A.* Vepsän kielen äännehistoria // SKST, 228. Helsinki, 1946.

Nina Zaitseva
Petroskoi

Eräiden marjojen nimitykset ALFE:n peilissä
(Tiivistelmä)

Artikkelissa tarkastellaan eräiden marjojen nimitysten pohjalta mitä omaa on tuonut tähän sanastoon vepsän kieli. Vepsä on säilyttänyt itämerensuomalaisen perinteen ja samalla siinä on syntynyt omaperäistä marjojen ilmaisemistoa. Tämä voi olla kielen erikoiskehityksen tuloksena tai kielikosketusten seurauksena.

